
ПЕШКА
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Ирина Рейн
Пешка

https://litres.ru/74690274
SelfPub; 2026

Аннотация

Она хотела любви. Он дал ей поводок. Его брат дал ей ад.

Кира — официантка, одинокая и слишком доверчивая. Марк — грубый, собственнический, обаятельный. Она думает, что нашла того, кто её выбрал. Она не знает, что за его спиной стоит старший брат — человек, который не просит, а берёт.

Лёха не бьёт сразу. Он давит, унижает, подчиняет. И когда Кира отказывается быть его, он решает, что возьмёт её силой. Марк не сможет её защитить. Кира останется одна — пешка в чужой игре, где ставка — её тело, её разум, её жизнь.

Но у пешки есть зубы.

Психологический триллер с тёмной романтикой. Для тех, кто не боится заглянуть в тёмную сторону человеческой психики — и не ждёт, что оттуда вернётся кто-то прежний.

Содержание

Глава 1. Онлайн. 10
Глава 2. Парк. 25
Глава 3. Первые недели. 37
Глава 4. Работа. 49
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Ирина Рейн
Пешка

Пешка

«Я думала, что любовь — это когда тебя держат крепко. Оказалось, любовь — это когда тебя держат за горло. Разница в том, что в первом случае ты можешь дышать».
Кира

Внимание.

Эта книга содержит сцены, которые могут быть тяжелы для восприятия:

· психологическое и физическое насилие
· попытка изнасилования
· употребление алкоголя и наркотиков
· унижение и газлайтинг
· похищение и незаконное удержание
· нецензурная лексика
· упоминания самоповреждения и суицидальных мыслей
· смерть и кровь

Если что-то из этого причиняет вам боль — пожалуйста, позаботьтесь о себе. Книга подождёт. Вы важнее.

Пролог (от лица Лёхи)

“Страх – это единственное, что люди понимают без слов”.

За три месяца до встречи в парке

Я сидел в баре, когда позвонил Марк. Не в том баре, где мы обычно пили с ним, а в другом — тихом, тёмном, где меня знали и не задавали вопросов. Я смотрел, как бармен протирает стаканы, и думал о том, что сегодня, наверное, будет хороший вечер, и что мне не хочется, чтобы его кто-то портил.

Телефон завибрировал. Я посмотрел на экран — брат — и не стал брать. Он позвонил ещё раз. Потом ещё. Я взял на четвёртом, потому что знал: если он звонит столько раз, значит, что-то серьёзное.

—

Лёх, — сказал он. — Это Марк. Мне нужна твоя помощь.

Голос у него был такой, будто он бежал. Я представил, как он стоит где-то в подъезде, сжимая телефон, с этим своим вечным выражением лица — виноватым и испуганным одновременно, — и мне стало смешно и противно.

—

Что случилось? — спросил я.

—

Я влип. По-крупному.

Я сделал глоток и поставил стакан на стойку. Бармен по-

смотрел на меня, и я кивнул, чтобы он налил ещё.

—

Ну, значит, так, — сказал я. — Приезжай. Поговорим.

Он начал что-то говорить — про то, что не может приехать, что у него нет машины, что он не знает, как быть, — и я перебил его:

—

Марк. Я сказал, приезжай. Значит, приезжай.

Он замолчал, и я услышал, как он сглатывает.

—

Хорошо, — сказал он. — Я буду через час.

Я положил трубку и посмотрел на свой стакан. Внутри было пусто, и я думал о том, что брат — это не то, что можно выбрать, и что если бы можно было, я бы выбрал кого-нибудь другого. Кого-нибудь, кто не звонит в панике, кто не влипает, кто не смотрит на меня этими глазами — как собака, которую бьют, но которая всё равно возвращается.

Я допил и заказал ещё.

Он приехал через полтора часа. Вошёл в бар, огляделся, нашёл меня взглядом и подошёл, и я увидел, что он пьян — не сильно, но достаточно, чтобы руки дрожали.

—

Садись, — сказал я.

Он сел. Бармен принёс ему пиво, и он взял его и стал пить,

и я смотрел, как он пьёт, и молчал, потому что знал: если я заговорю первым, он начнёт оправдываться.

—

Я должен денег, — сказал он наконец.

—

Кому?

—

Людям. Серьёзным.

—

Сколько?

Он назвал сумму, и я присвистнул. Не потому, что это было много — я видел и больше, — а потому, что он, идиот, умудрился влезть в это, не имея ни связей, ни мозгов.

—

Как ты это сделал? — спросил я.

Он начал рассказывать — про какого-то знакомого, про «лёгкие деньги», про то, что он думал, что всё обойдётся, — и я слушал и думал о том, что он всегда так: сначала делает, потом думает. И всегда приходит ко мне, когда уже поздно.

—

Я могу тебе помочь, — сказал я, когда он закончил.

Он посмотрел на меня с надеждой, и от этой надежды мне стало противно.

—

Но не просто так, — сказал я.

—

Что ты хочешь?

Я откинулся на спинку стула и посмотрел на него.

—

Ты будешь работать на меня. Будешь делать, что я скажу. Не задавать вопросов. Не спорить. И не пить, когда работаешь.

Он помолчал. Я видел, как он борется с собой, как хочет сказать «нет», и как понимает, что не может.

—

Хорошо, — сказал он.

—

Хорошо, — я улыбнулся и поднял стакан. — За наше сотрудничество.

Он не поднял свой. Он просто сидел и смотрел в стол, и я видел, что он ненавидит меня в этот момент, и что он всё равно сделает то, что я скажу, потому что у него нет выбора.

Я допил и встал.

—

Поехали, — сказал я. — Познакомлю тебя с людьми.

Мы вышли из бара, и я закурил, и смотрел, как он идёт рядом — ссутулившийся, виноватый, — и думал о том, что он всегда был таким. С детства. Я помнил, как он прятался за меня, когда нас задирали в школе, и как я дрался за него, и

как он потом плакал и говорил, что я лучший брат на свете. Я помнил, как он смотрел на меня, когда я делал что-то, что ему запрещали, и как в его глазах было восхищение.

Теперь в его глазах был страх. И это было правильно. Страх — это то, что держит людей вместе. Страх — это то, что заставляет их делать то, что нужно.

Я не знал тогда, что через три месяца появится девочка по имени Кира, и что она станет проблемой. Я не знал, что брат влюбится в неё, и что это всё осложнит. Я не знал, что она окажется не такой, как все, — не сломается, не убежит, не сдастся.

Я знал только одно: я всегда получаю то, что хочу. И если я захочу её, я её возьму.

Так я думал тогда.

Тогда я ещё не знал, что она окажется пешкой, которая перевернёт всю доску.

Глава 1. Онлайн.

“Я была настолько голодна до тепла, что готова была сожрать даже то, что меня отравляло”.

Я проснулась от того, что телефон завибрировал под подушкой, и это было не звонком, а сообщением — коротким, тихим, почти деликатным, но от него почему-то сразу стало теплее в груди, хотя за окном было серо, дождливо и в комнате пахло вчерашней жареной картошкой, которую я так и не убрала со стола. Я не открыла глаза, просто нашарила рукой гладкий корпус, поднесла к лицу, и экран резанул по глазам белым.

«Доброе утро. Ты спала?»

Марк. Я улыбнулась в подушку, ещё толком не проснувшись, и позволила себе эту улыбку — глупую, тихую, никому не видную. За два месяца переписки он стал для меня чем-то большим, чем «парень из интернета», хотя я сама до сих пор не могла объяснить, где именно проходит эта граница. Он спрашивал, поела ли я, злился, когда я работала допоздна, и однажды написал: **«Я бы тебя не отпускал так поздно одну».** Я тогда не сказала, что мне это понравилось, но подумала — и эта мысль осталась со мной, как заноза, которую

не хочется вытаскивать.

«Спала. Ты чего в такую рань?»

«Не спалось. Думал о тебе»

Я перевернулась на спину, прижала телефон к груди и уставилась в потолок, где от сырости расползлось желтоватое пятно, которое я всё собиралась закрасить, но так и не собралась. Думал обо мне. Я попыталась представить, как он это делает — лежит ли в своей квартире, которую я видела только на фотографиях, курит ли в окно, смотрит ли в телефон с этой своей полуулыбкой, от которой у меня внутри что-то сжималось и разжималось, как кулак. Я не знала о нём почти ничего, кроме того, что он говорил сам, но почему-то этого было достаточно, чтобы утро казалось не таким пустым.

Я встала, налила себе чай и села на подоконник, глядя во двор. Там дворник в оранжевой жилетке мел мокрые листья, и они прилипали к асфальту, и он снова их мел, и это было так монотонно, что я почти заснула. Я достала телефон и открыла переписку, пролистала вверх — до самого первого сообщения. **«Привет. Ты красивая».** Я тогда не ответила три дня, потому что не знала, что сказать, и потому что мне казалось, что это какая-то ошибка, что он перепутал меня с кем-то другим. Потом всё-таки написала **«Спасибо»**, и по-

неслось.

Я набрала:

«Я сегодня работаю до восьми. Потом свободна»

Он ответил сразу:

«Я могу тебя встретить»

«Не надо. Я сама доберусь»

«**Я сказал, что встречу»**

Я закусила губу. Вот это «я сказал» — оно было и приятным, и странным одновременно. Как будто он уже решил за меня, и как будто моё мнение не то чтобы не важно, но… он же заботится. Он же хочет, чтобы я не шла одна по тёмной улице.

Это же хорошо, правда?

Я не ответила. Просто закрыла переписку и пошла собираться на работу.

Днём была смена в ресторане, и я надела форму — белую рубашку, чёрный фартук, — собрала волосы в хвост и вышла в зал, где пахло жареным маслом, кофе и чужими обедами. Обеденный поток был привычным: бизнес-ланчи, семьи с детьми, парочки, которые держались за руки и не смотрели на меня, когда я подходила записывать заказ. Я улыбалась, записывала, извинялась, когда кухня задерживала, и всё это время где-то на периферии сознания держала мысль о том,

что вечером снова будет переписка, и это было маленьким якорем, который помогал дожить до конца смены.

—

Кир, ты сегодня какая-то… — Лена подошла сзади, поправила мне воротник, и я почувствовала, как она улыбается мне в затылок. — Летаешь.

—

Да ну, — я отвернулась, чтобы скрыть улыбку, но, наверное, сделала это слишком поздно, потому что Лена уже всё поняла.

—

Он тебе опять писал? Этот твой… Марк?

—

Ну.

—

Покажи фотку.

Я поколебалась, но достала телефон, открыла галерею и нашла то фото, которое сохранила, хотя обычно не сохраняла чужие фотографии. На нём он стоял у бара — тёмные волосы до ушей, зелёные глаза, полуулыбка, — и я вдруг поду-

мала, что если бы увидела его вживую на улице, то, наверное, не решилась бы подойти. Лена присвистнула и сказала, что симпатичный, и спросила, где я таких нахожу, а я убрала телефон и сказала, что в интернете, и что он не такой, как все, потому что он прямой и говорит то, что думает, не пытаясь казаться лучше, чем есть.

—

Это как? — Лена подняла бровь.

—

Ну… — я замялась, потому что не знала, как объяснить это так, чтобы не звучало странно. — Он сказал, что если я ещё раз пойду домой одна в двенадцать ночи, он приедет и заберёт меня. На машине.

Лена подняла бровь ещё выше и спросила, мило это или страшно, и я не ответила, потому что сама не знала. Мне казалось, что это забота, что это значит, что ему не всё равно, но где-то глубоко, под слоем этого тепла, сидело что-то холодное и сжатое, что не давало мне расслабиться до конца.

—

А ты вообще его видела? — спросила Лена. — Ну, вживую.

—

Нет ещё.

—

И сколько вы уже общаетесь?

—

Два месяца.

Лена помолчала, потом сказала:

—

Кир, это как-то… долго.

—

Мы собираемся встретиться. На следующей неделе.

—

Ну, наконец-то, — она усмехнулась. — А то я уже думала, что он тебя к себе в подвал заманивает.

Я засмеялась, хотя шутка мне не понравилась. И ещё несколько секунд после того, как мы перестали смеяться, я думала о том, что в этой шутке было что-то, что царапнуло меня изнутри. Что-то, что я не хотела называть.

После смены мы с Леной пошли в парк, и я пила кофе из картонного стакана, пинала мокрые жёлтые листья и думала о том, что через несколько дней увижу его вживую. Эта мысль была и сладкой, и тошнотной одновременно, потому что я не умела верить, что нравлюсь кому-то просто так, без причины, без подвоха. Лена шла рядом и говорила что-то про свою бывшую работу, а я кивала и не слышала, потому что внутри меня крутился один и тот же вопрос, который я наконец задала вслух.

—

Ты вообще собираешься с ним встречаться?

—

Собираюсь. Но боюсь.

—

Чего?

—

Что он разочаруется, — я сказала это тихо, почти шёпотом, и сама удивилась, как сильно эти слова царапнули горло. — Что я в жизни скучная. Что я не такая, как в переписке.

Лена толкнула меня плечом и сказала, что я нормальная, и что это он должен бояться, что я его пошлю, и я засмеялась,

потому что это было смешно и потому что мне хотелось в это верить. Но внутри осталось это ощущение — липкое, как мокрая листва под ногами, — что я стою на пороге чего-то, что ещё не началось, но уже не отпустит меня просто так.

—

А Артём? — спросила Лена вдруг.

—

Что Артём?

—

Он же к тебе неровно дышит.

—

Лена.

—

Что? Я просто спросила.

—

Он друг. Друг детства. Это другое.

—

Ага, — Лена усмехнулась. — Другое.

Я не стала спорить. Мы дошли до её подъезда, и она обняла меня на прощание, и сказала, чтобы я была осторожнее, и я пообещала, хотя не знала, что именно имею в виду.

Дома я села на кровать, открыла переписку и пролистала вверх, до самого первого сообщения, где он написал: **«Привет. Ты красивая».** Я тогда не ответила три дня, потому что не знала, что сказать, и потому что мне казалось, что это какая-то ошибка, что он перепутал меня с кем-то другим. Потом всё-таки написала **«Спасибо»**, и понеслось, и теперь я сидела на кровати в пустой квартире и набирала сообщение, которое давалось мне легче, чем я ожидала.

«Я сегодня гуляла с Леной. Думала о тебе»
Он ответил сразу, и я поняла, что он ждал.
«Обо мне? Что именно?»

Я закусила губу, и пальцы зависли над экраном, потому что я не знала, насколько честной можно быть, чтобы не спугнуть его и не спугнуть себя.

«Что хочу тебя увидеть. Но боюсь»

«Меня?»

«Не тебя. Себя. Что я не понравлюсь»

Пауза. Три точки. Потом:

«Ты понравишься. Я уже решил»

Я улыбнулась, и это была глупая, счастливая улыбка, которую я бы никому не показала. Я впервые за долгое время почувствовала, что меня кто-то ждёт, и это ощущение было настолько непривычным, что я не сразу поняла, как с ним обращаться.

«А если я тебе не понравлюсь?»

«Тогда я буду тебя переубеждать»

«Как?»

«Приеду и заберу тебя. И не отдам никому»

Я перечитала это сообщение три раза. Потом ещё три. Оно было и милым, и пугающим одновременно, и я не знала, что на это сказать, и поэтому просто написала:

«Хорошо»

Он ответил:

«Вот и умница»

И я, дура, улыбнулась.

Потом был звонок — не от Марка, от Артёма. Артём был

другом детства, соседом по площадке, тем, кто водил меня в школу за руку, когда нам было по семь, и кто до сих пор приходил чинить мне кран и приносил шоколадку, когда у меня было плохое настроение. Он никогда не говорил прямо, но я знала, что он меня любит, и знала, что не отвечу ему тем же, и это знание висело между нами, как стекло, о которое мы оба боялись порезаться.

—

Привет, — сказал он. — Ты дома?

—

Дома.

—

Я мимо шёл. Может, выйдешь? Купил тебе ту штуку с корицей, которую ты любишь.

Я помолчала, потому что не хотела выходить, и потому что знала, что если выйду, то сделаю ему больно, и потому что не выйти было бы тоже больно, только по-другому.

—

Артём, не надо.

—

Что не надо?

—

Вот этого всего. Ты же понимаешь.

На том конце провода стало тихо, и я слышала, как он дышит, и как где-то у него на фоне играет телевизор, и как он пытается придумать, что сказать, чтобы не звучать жалко.

—

Я просто хотел тебя увидеть, — сказал он наконец, спокойно, почти ровно. — Это же не преступление.

Я выдохнула и сказала, что выхожу, и надела куртку, и спустилась по лестнице, и всё это время думала о том, что делаю что-то не то, но не могла понять, что именно.

Мы стояли у подъезда, и Артём держал пакет с булочкой, но не отдавал, и смотрел на меня так, будто хотел что-то сказать и не решался.

—

Ты какая-то другая, — сказал он наконец.

—

В смысле?

—

Влюблённая. — Он усмехнулся, но глаза были грустные. — Я же вижу.

Я промолчала, потому что не знала, что сказать, и потому что врать ему не хотелось.

—

Он хороший? — спросил Артём.

—

Не знаю. Я его мало знаю.

—

Тогда зачем?

—

Потому что он меня выбрал, — сказала я и тут же поняла, как это звучит, и как это, наверное, жестоко по отношению к Артёму, который стоял рядом и держал эту дурацкую булочку.

Артём протянул мне пакет, и когда я взяла, он задержал мою руку на секунду, и я почувствовала, как его пальцы дрожат.

—

Ты пожалеешь, Кир.

—

Артём…

—

Нет, ты послушай. — Он наконец посмотрел прямо, и в его глазах было что-то, от чего мне стало не по себе. — Ты пожалеешь. Я не знаю, что за парень, но ты всегда выбираешь не тех. А я… — он сглотнул. — Я рядом. Всегда был.

Я вытащила руку и сказала «прости», и он кивнул, развернулся и ушёл, не оглядываясь, а я осталась стоять с булочкой в руке и чувствовала себя так, будто только что сделала что-то непоправимое, хотя всего лишь сказала правду.

Вечером Марк написал:

«Что делаешь?»

«Ем булочку. Думаю»

«О чём?»

«О тебе. И о том, что я, наверное, плохой человек»

Он ответил не сразу, и я успела придумать себе сто причин, почему он молчит, и все они были плохими. А когда ответил, я перечитала сообщение три раза.

«Ты не плохая. Ты просто моя. А за своих я держусь крепко. Запомни это»

Я не знала, почему от этих слов стало тепло и страшно одновременно, и почему я сохранила это сообщение, и почему потом, когда всё рухнет, я буду перечитывать его снова и снова, пытаясь понять, где именно была та черта, после которой я перестала быть просто Кирой и стала чем-то, что можно взять и не отпускать.

Я легла спать в тот вечер с телефоном в руке и с мыслью о том, что через несколько дней увижу его. И я не знала, что этот день станет началом конца — не потому, что он был плохим, а потому, что я была слишком голодна до тепла, чтобы заметить, как холодно оно на самом деле.

Глава 2. Парк.

“Он сжал мою руку так, что хрустнули костяшки. Я не отняла. Это была моя первая ошибка”.

Я пришла на двадцать минут раньше, потому что не умела опаздывать и потому что боялась, что если приду позже, то он уже будет там, и мне придётся подходить к нему первой, а это казалось мне почти невыносимым. Парк был тот самый, где мы гуляли с Леной, и в этот раз он выглядел иначе — не серым и мокрым, а каким-то слишком ярким, слишком резким, будто кто-то выкрутил контраст на полную. Я села на скамейку у входа, достала телефон, проверила, нет ли сообщений, хотя знала, что их нет, и принялась ждать, глядя на дорожку, по которой должны были идти люди, но шли почему-то все не те.

Я не знала, что надеть. Перемерила три кофты, две куртки и одни джинсы, и в итоге осталась в том, в чём было удобно, — в старой куртке и любимых кроссовках. Волосы собрала в хвост, потом распустила, потом снова собрала. В зеркало старалась не смотреть, потому что знала, что начну искать недостатки и не остановлюсь. Я вообще не любила смотреть на себя долго — мне казалось, что если я буду смотреть слишком внимательно, то увижу что-то, что не нравится другим, и тогда мне придётся с этим что-то делать, а я не знала,

как. Глубоко вдохнув я собралась мыслями и направилась в парк. Села у входа и стала ждать. Время словно замерло на месте и я не знала куда себя деть.

Телефон завибрировал.

«Я на месте. Где ты?»

Я подняла голову и увидела его. Он шёл со стороны аллеи, и я узнала его сразу, хотя видела только на фотографиях. Высокий, шире, чем я представляла, с чёрными волосами до ушей и зелёными глазами, которые на фото казались спокойными, а вживую смотрели на меня так, будто он уже всё про меня знал и проверял, права ли была его догадка. Он шёл не спеша, руки в карманах куртки, и я почувствовала, как у меня пересохло во рту, и как я вцепилась в край скамейки, чтобы не вскочить и не убежать, хотя убегать было некуда и незачем.

—

Кира, — сказал он, остановившись напротив, и это было не вопросом, а утверждением, будто он проверял, что я — это действительно я.

—

Марк, — ответила я, и голос вышел тише, чем я хотела.

Он сел рядом, слишком близко для первого раза, так близко, что я чувствовала запах его куртки — табак, что-то сладкое и ещё что-то, чего я не могла назвать. Он смотрел на меня сбоку, и я не знала, куда деть руки, и в итоге сложила их на коленях, как примерная школьница.

—

Ты красивее, чем на фото, — сказал он.

—

Врёшь.

—

Я не вру. — Он усмехнулся, и от этой усмешки у меня внутри что-то дёрнулось. — Я вообще не вру. Это утомительно.

Я засмеялась, хотя было не смешно, а он вдруг взял мою руку — просто взял, без предупреждения, — и сжал слишком крепко, так, что я почувствовала костяшки его пальцев. Я не отняла. Не потому, что мне было приятно, а потому, что не знала, как это сделать, не обидев его, и потому, что где-то глубоко под страхом было что-то ещё, что тянулось к нему навстречу.

—

Ты боишься, — сказал он, и это была не догадка, а факт.

—

Боюсь.

—

Меня?

—

Не тебя, — я посмотрела на него. — Себя.

Он отпустил мою руку, и я не сразу поняла, стало мне легче или наоборот.

—

Расскажи о себе, — сказал он. — Что-нибудь, чего я не знаю.

—

А что ты знаешь?

—

Что ты работаешь в ресторане. Что живёшь одна. Что у тебя есть подруга Лена и друг Артём, который к тебе неровно дышит.

Я напряглась.

—

Откуда ты знаешь про Артёма?

—

Ты рассказывала. — Он пожал плечами. — В переписке.

Я не помнила, чтобы рассказывала. Но, наверное, рассказывала — я вообще много чего рассказывала в переписке, потому что мне казалось, что с ним можно. Я кивнула и сказала:

—

Артём — друг детства. Это другое.

—

Я знаю, — он улыбнулся. — Я просто проверял, как ты отреагируешь.

Я не поняла, что это значит, и не стала спрашивать.

Мы пошли по аллее, и он говорил мало, но каждое его слово было весомым, как камень, который бросают в воду, чтобы проверить глубину. Он спросил, где я работаю, и когда я сказала, что в ресторане, кивнул так, будто это подтверждало что-то, что он уже знал. Он спросил, с кем я живу, и я

сказала, что одна, и он сказал, что это хорошо, и я не поняла, что именно в этом хорошего, но не стала уточнять.

—

Ты много пьёшь? — спросила я, потому что хотела хоть что-то узнать о нём, а он только что упомянул бар, в котором был вчера с друзьями.

—

Бывает, — он пожал плечами. — А что?

—

Просто спросила.

—

Я пью, — сказал он, и в его голосе не было ни оправдания, ни вызова. — Иногда больше, чем надо. Если тебе это не нравится, говори сразу.

Мне это не нравилось, и мне это понравилось — то, что он не стал врать и не стал делать вид, что он лучше, чем есть. Я сказала, что мне всё равно, и это было ложью, и он, наверное, понял, но не стал ловить меня на ней, и мы пошли дальше, и я думала о том, что он, наверное, сложный человек, и что сложные люди — это интересно, и что я, наверное, смогу с этим справиться.

—

А ты? — спросил он. — Ты пьёшь?

—

Иногда. С Леной, когда у неё проблемы.

—

А когда у тебя проблемы?

Я помолчала.

—

Я не пью, когда у меня проблемы. Я просто… сижу.

—

Одна?

—

Одна.

Он посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, от чего мне стало не по себе — не жалость, не понимание, а что-то другое, будто он запоминал это, складывал в какое-то место в голове, где хранил информацию о людях.

—

Теперь ты не одна, — сказал он.

Я не знала, что на это ответить.

Он предложил зайти в бар, и я согласилась, хотя обычно не ходила в бары, и хотя у меня в кармане было ровно столько денег, чтобы расплатиться за кофе и доехать домой. Бар был тёмный, прокуренный, с музыкой, от которой дрожали стены, и я почувствовала себя чужой в этой белой рубашке и с этим хвостом на голове, но Марк взял меня за руку и провёл к столику у стены, и я села, и он сел напротив, и всё стало как-то проще.

Он заказал себе виски, а мне — что-то сладкое и крепкое, и я пила медленно, потому что не хотела напиться и потому что не хотела, чтобы он подумал, что я не умею себя вести. Он пил быстрее, и с каждым глотком становился мягче, и в какой-то момент наклонился через стол и сказал, что я ему нравлюсь, и что он не ожидал, что я ему настолько понравлюсь, и что это его немного пугает.

—

Почему пугает? — спросила я.

—

Потому что я не привык, чтобы мне кто-то нравился, — он усмехнулся. — Я привык, что мне все равно.

Я не знала, что на это сказать, и поэтому просто улыбнулась, и он улыбнулся в ответ, и на секунду мне показалось, что между нами всё будет хорошо, и что я не зря пришла, и что это не ошибка.

—

А ты? — спросил он. — Тебе кто-то нравился до меня?

—

Был один. В школе.

—

И что случилось?

—

Ничего. Он не знал.

Марк засмеялся.

—

Ты ему не сказала?

—

Нет.

—

Почему?

—

Боялась.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом сказал:

—

Ты странная.

—

Спасибо.

—

Это комплимент, — он наклонился ближе. — Ты не такая, как все. Ты не притворяешься.

Я не знала, что на это сказать, и поэтому просто взяла свой бокал и сделала глоток, и он смотрел, как я пью, и в его глазах было что-то, от чего мне стало и тепло, и страшно.

Потом он сказал, что ему нужно позвонить, и вышел на улицу, и я осталась сидеть одна за столом, и в этот момент к бару подошли двое парней. Один из них — высокий, светловолосый, голубоглазый, с улыбкой, от которой мне стало не по себе, — посмотрел на меня через стекло, и я поняла, что

он смотрит не просто так, а именно на меня, и что он знает, кто я такая, хотя я его никогда не видела.

Он не зашёл. Он просто постоял, посмотрел и ушёл, и когда Марк вернулся, я спросила, не знает ли он этого парня, и Марк посмотрел в окно, и лицо у него изменилось — стало жёстким, закрытым, чужим.

—

Это мой брат, — сказал он. — Лёха. Не обращай внимания.

Он сказал это так, будто хотел закрыть тему, и я не стала спрашивать дальше, хотя мне очень хотелось, и хотя что-то внутри меня уже тогда, в тот первый вечер, сказало мне, что этот светловолосый парень с улыбкой — это не просто брат, и что он ещё появится в моей жизни, и что ничего хорошего из этого не выйдет.

—

У тебя есть брат? — спросила я.

—

Есть.

—

Вы близки?

Марк помолчал.

—

Можно и так сказать.

—

А что он делает?

—

Разное.

Я поняла, что он не хочет говорить, и не стала настаивать. Но что-то в его голосе — что-то холодное, закрытое — сказало мне, что «разное» — это не просто слово, и что за ним стоит что-то, о чём я не хочу знать.

Мы вышли из бара поздно, и он проводил меня до дома, и у подъезда притянул к себе и поцеловал — грубо, крепко, так, что я на секунду перестала понимать, где я и что со мной. Когда он отпустил, я стояла, прислонившись спиной к двери, и смотрела на него, и он смотрел на меня, и в его глазах было что-то, от чего мне стало и тепло, и страшно.

—

Ты моя, — сказал он. — Поняла?

Я кивнула, хотя не была уверена, что понимаю, и хотя где-то внутри меня был голос, который говорил, что так не говорят, и что это не любовь, а что-то другое, но я не стала его слушать, потому что мне так хотелось, чтобы это была любовь.

Он ушёл, а я поднялась в квартиру, села на кровать, не снимая куртки, и просидела так, наверное, час, глядя в стену и думая о том, что теперь у меня есть кто-то, кто меня выбрал, и что это, наверное, и есть счастье, и что я, наверное, просто слишком привыкла быть одна, чтобы сразу понять, как это — когда ты кому-то нужна.

Я не знала тогда, что это был первый вечер, после которого моя жизнь перестала принадлежать мне, и что Лёха, стоявший под фонарём и смотревший на меня через стекло, уже тогда решил, что я буду его, и что ни Марк, ни я сама не сможем этому помешать.

Глава 3. Первые недели.

“Я называла это любовью. Он называл это собственностью. Мы оба врали”.

Первые недели были похожи на что-то, что я видела в кино, но никогда не испытывала сама. Марк писал мне каждое

утро, и я просыпалась от вибрации телефона, и это стало моим новым способом начинать день — не с будильника, не с мысли о смене, а с его сообщения, короткого и всегда немного требовательного. Он хотел знать, где я, с кем я и когда освобожусь, и сначала мне это казалось заботой, а потом я перестала понимать, где заканчивается забота и начинается что-то другое, но не стала об этом думать, потому что думать об этом было страшно, а не думать — легко.

Мы виделись почти каждый вечер, и каждый вечер был одинаковым и разным одновременно. Он ждал меня у ресторана, и я выходила в куртке, с уставшими руками и с этим глупым чувством, что сейчас меня кто-то заберёт, и мы шли в бар, или к нему, или просто гуляли, и он говорил мало, но держал меня за руку так, будто боялся, что я исчезну. Он пил почти всегда, и я привыкла к запаху алкоголя от его куртки, и к тому, как его голос становится громче и жёстче после третьего стакана, и к тому, как он смотрит на других парней, которые слишком долго задерживают на мне взгляд.

—

Ты чего на него так смотришь? — спросила я однажды, когда он проводил глазами парня, который прошёл мимо нас в баре.

—

Ничего, — сказал он. — Просто он тебя разглядывал.

—

И что?

—

И то, что не надо тебя разглядывать.

Я засмеялась, потому что это было глупо, и потому что мне было приятно, и потому что я не понимала тогда, что это не ревность, а собственничество, и что между этими двумя вещами есть разница, которую я почувствую позже, и почувствую больно.

Мы ходили в кино. Я выбирала фильмы, а он соглашался, хотя, я думала, что ему всё равно. Однажды я выбрала какую-то мелодраму, и он просидел весь сеанс молча, а потом сказал, что это была самая глупая история, которую он видел, и что люди так не поступают. Я спросила, как поступают люди, и он сказал, что люди не ждут годами, не прощают измен, не бегут за кем-то на другой конец страны. Люди берут то, что хотят, и не оглядываются.

—

Это грустно, — сказала я.

—

Это честно, — сказал он.

Я не стала спорить. Но подумала о том, что, наверное, в его жизни было мало людей, которые его любили просто так, и что, может быть, поэтому он такой.

Однажды он пригласил меня к себе. Квартира была небольшая, но чистая, и я удивилась, потому что ожидала чего-то другого — грязной посуды, пустых бутылок, беспорядка. Но там было чисто, и пахло чем-то нейтральным, и на полке стояли книги, которых я не ожидала увидеть.

—

Ты читаешь? — спросила я.

—

Иногда, — он пожал плечами. — Когда нечего делать.

Я подошла к полке и провела пальцем по корешкам. Там были детективы, какие-то романы, одна книга по психологии. Я хотела спросить, зачем ему психология, но не стала.

—

А ты? — спросил он.

—

Что я?

—

Читаешь?

—

Читаю. В основном всё подряд.

—

Что любишь?

—

Разное. — Я замялась. — Я не очень разборчивая.

Он засмеялся и сказал, что это видно, и я не поняла, комплимент это или нет.

Вечером он открыл бутылку вина, и мы сидели на кухне, и он рассказывал мне про свою мать. Она умерла, когда ему было четырнадцать, и после этого Лёха стал для него всем — отцом, братом, тюремщиком. Он говорил об этом спокойно, без надрыва, и я слушала и думала о том, что за этим спокойствием что-то есть.

—

Ты его любишь? — спросила я.

—

Кого?

—

Лёху.

Он помолчал.

—

Я не знаю, как это называется. Он меня вырастил. Он меня спас. Он меня же и сломал. — Он сделал глоток. — Это не любовь. Это что-то другое.

—

Что?

—

Долг, — сказал он. — Я ему должен. За всё.

Я хотела спросить, за что именно, но не стала. Что-то в его голосе сказало мне, что это не тот вопрос, который стоит задавать.

Лена заметила первой. Мы сидели в подсобке после смены, и она смотрела на меня так, будто хотела что-то сказать и не решалась.

—

Ты изменилась, — сказала она наконец.

—

В смысле?

—

Ты стала тише. И телефон проверяешь каждые пять минут. — Она помолчала. — Он тебя не обижает?

—

Нет, — я сказала это слишком быстро, и сама это услышала. — Он просто… он сложный.

—

Сложный — это как?

—

Ну, он пьёт. И он ревнивый. Но он меня любит.

Лена посмотрела на меня долгим взглядом, и в этом взгляде было что-то, от чего мне захотелось встать и уйти.

—

Кир, — сказала она. — Ты уверена?

—

Уверена, — ответила я, и это была ложь, но я не знала, что это ложь, пока не произнесла её вслух.

—

А Артём?

— Что Артём?

— Он мне звонил. Спрашивал, как ты.
Я напряглась.

— Что ты сказала?

— Что ты в порядке. — Лена помолчала. — А ты в порядке?

— В порядке.
Она не поверила. Я видела, что не поверила, но не стала настаивать.

Дома всё было по-другому, и это «по-другому» мне нравилось, хотя я не сразу поняла почему. Он приходил, и квартира переставала быть пустой, и я готовила что-то простое, и мы ели на кровати, потому что стола у меня не было, и он говорил, что так даже лучше, и я соглашалась. Он оставался на ночь, и я привыкла засыпать, чувствуя его руку на своей талии, и привыкла просыпаться от того, что он уже встал и

курит в окно, и привыкла к тому, что он не говорит «доброе утро», а просто смотрит на меня и кивает, и мне этого хватало.

Однажды ночью, когда он спал, я лежала рядом и смотрела в потолок, и думала о том, что я, наверное, счастлива. Я перебирала в голове всё, что у нас было, и всё, что ещё будет, и мне казалось, что я наконец нашла своё место, и что это место — рядом с ним, и что я готова на всё, чтобы это не закончилось. Я не знала тогда, что эта готовность — «на всё» — это именно то, что от меня ждут, и что Лёха, который уже тогда знал о существовании Киры, ждал этого больше всех.

Лёха появился снова через две недели, и на этот раз он не просто постоял под фонарём. Мы были в том же баре, и Марк отошёл в туалет, и я сидела одна, и вдруг рядом со мной опустился он — светловолосый, голубоглазый, с той же улыбкой, от которой у меня внутри всё сжималось, — и сказал:

—

Привет, Кира. Я Лёха. Брат Марка.

Он сказал это так, будто мы уже были знакомы, и будто он имел право садиться рядом со мной, и будто я должна была этому обрадоваться. Я сказала «привет» и оглянулась на туалет, и он заметил это и усмехнулся.

—

Не волнуйся, он не выйдет ближайшие пять минут. — Он откинулся на спинку стула. — Я хотел с тобой познакомиться. По-нормальному.

—

Мы знакомы, — сказала я. — Ты стоял под окнами.

—

Стоял, — согласился он. — Но это было не знакомство. Это было… — он помолчал, подбирая слово, — наблюдение.

Мне не понравилось это слово, и я сказала, что мне не нравится это слово, и он засмеялся, и сказал, что я забавная, и что Марк, наверное, не говорил мне, что у него есть брат, который умеет быть забавным.

—

Он говорил, — сказала я. — Он сказал, чтобы я не обращала на тебя внимания.

—

Ну конечно, — Лёха улыбнулся, и в этой улыбке было что-то такое, от чего мне захотелось встать и уйти. — Он всегда так говорит. А потом всё равно приходит ко мне, когда ему

что-то нужно.

Я не стала спрашивать, что именно нужно, и он не стал объяснять, и в этот момент вернулся Марк, и лицо у него было такое, что я испугалась. Он сказал Лёхе «отвали», и Лёха сказал «я просто знакомлюсь», и они смотрели друг на друга, и я сидела между ними и чувствовала, как воздух становится тяжёлым.

—

Пойдём, — сказал Марк, взял меня за руку и вытащил из бара, и на улице он шёл быстро, и я почти бежала за ним, и когда я спросила, что это было, он сказал:

—

Ничего. Просто не общайся с ним.

—

Почему?

—

Потому что я так сказал.

Он сказал это так, что я не стала спорить, и мы шли молча до самого дома, и я думала о том, что что-то не так, но не понимала, что именно, и не понимала, почему мне так страшно.

Той ночью он был грубее, чем обычно, и я не стала его останавливать, потому что думала, что это из-за Лёхи, и что если я буду терпеливой, то он успокоится. После он лежал на спине, смотрел в потолок и молчал, и я лежала рядом и чувствовала, как что-то между нами изменилось, но не могла понять, что именно и в какую сторону.

—

Ты меня любишь? — спросила я.

Он помолчал.

—

Я же сказал, что ты моя.

—

Это не то же самое.

—

Для меня то же самое, — он повернул голову и посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не видела раньше. — Кира, я не умею по-другому. Я не умею говорить красивые слова. Я умею только держать. И я тебя держу.

Я не знала, что на это сказать, и поэтому просто прижалась к нему, и он обнял меня, и я закрыла глаза, и сказала

себе, что это и есть любовь, и что я просто слишком многого хочу, и что надо быть благодарной за то, что есть.

Я не знала тогда, что Лёха уже начал собирать на меня досье, и что через несколько дней он позвонит Марку и скажет, что у него есть для меня «работа», и что Марк согласится, потому что не сможет отказаться, и что я, ничего не подозревая, сделаю первый шаг в ловушку, из которой потом не смогу выбраться.

Глава 4. Работа.

“Я думала, что это просто пакет. Я думала, что смогу уйти. Я думала много глупостей”.

Всё началось с того, что Марк попросил меня об одолжении. Он редко о чём-то просил, обычно просто ставил перед фактом, но в тот вечер он был странным — тихим, трезвым, с этим выражением лица, которое я видела у него всего пару раз и которое означало, что он чего-то боится. Мы сидели у меня на кровати, он держал меня за руку и смотрел в сторону, и я уже тогда поняла, что сейчас будет что-то, что мне не понравится.

—

Мне нужна твоя помощь, — сказал он. — Один раз. Про-

сто передать кое-что. Лёха попросил.

Услышав имя, я напряглась.

—

Какую помощь?

—

Небольшую. Ты просто зайдёшь в одно место, оставишь пакет и выйдешь. Никто тебя не тронет. Это безопасно.

—

Марк, я не хочу иметь с ним дело.

—

Я знаю, — он сжал мою руку. — Но я должен ему. Ты не понимаешь, он… он держит меня. Если я не сделаю то, что он просит, он может сдать меня.

Я не стала спрашивать, что именно он может сдать, потому что уже тогда, наверное, догадывалась, и мне стало страшно не за себя, а за него, и этот страх оказался сильнее здравого смысла. Я сказала, что подумаю, и он поцеловал меня в лоб и сказал, что знал, что я соглашусь, и от этих слов мне стало и тепло, и тошно.

—

Что в пакете? — спросила я.

—

Не знаю. И не хочу знать.

—

А если там что-то… плохое?

—

Там не плохое, — сказал он. — Там просто вещи. Для людей.

Я посмотрела на него и поняла, что он врёт. Или не врёт, а говорит не всю правду. И от этого мне стало ещё страшнее.

Лёха написал мне сам, через два дня, хотя я не давала ему номера. Сообщение было коротким: адрес, время, слово «спасибо». Я перечитала его несколько раз и почувствовала, как что-то внутри меня сжимается в комок, но я уже дала согласие, и отступать было некуда, и я сказала себе, что это правда просто пакет, и что всё будет быстро, и что после этого я попрошу Марка, чтобы это было в последний раз.

В тот вечер я вышла из дома по адресу, который он прислал, и это был старый двор за гаражами, где не горел ни один фонарь, и я ещё подумала, что здесь даже днём-то страшно, и ускорила шаг. У нужного подъезда стояла машина — тём-

ная, с выключенными фарами, — и я не успела ничего сообразить, как дверь открылась и кто-то схватил меня за руку. Я хотела закричать, но в этот момент на моё лицо легла ладонь, и я почувствовала укол в шею, и мир начал расплываться, как будто кто-то выкрутил резкость на минимум.

Последнее, что я помню, — это запах бензина и чей-то голос, который сказал: *«Не дёргайся, всё будет хорошо».*

Я пришла в себя от того, что было неудобно. Руки были стянуты за спиной, и я лежала на чём-то холодном и твёрдом, и голова гудела так, будто внутри неё кто-то стучал молотком. Я попыталась пошевелиться, и это получилось плохо, и я почувствовала, как верёвка впилась в запястья, и я поняла, что не могу их развести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.